

Знаком

все лишь

Если начальный этап III Чеховского фестиваля был в основном посвящен знакомству с новыми для московских зрителей именами, то позднее появилась возможность вновь встретиться с теми, кого в Москве знают и ждут. Конечно, в первую очередь с Робертом Стуруа, который привез две свои постановки: «Ламару» Григора Робакидзе и «Женщину-змею» Карло Гоцци (Национальный театр им. Ш.Руставели. Тбилиси. Грузия). Два разных спектакля объединяет изначально заложенная в самих пьесах сказочность, притчевость.

Марина ГАЕВСКАЯ

«Ламара» - дважды легенда: и по жанру, и по драматичности ее собственной судьбы. Поставленная и запрещенная семьдесят лет назад она больше не появлялась на сцене. А спектакль расстрелянного в годы сталинского режима Сандро Ахметели остался лишь в памяти тех, кто его видел. Спектакли-легенды имеют и свою оборотную сторону - от них невольно ждешь чего-то особенного. Возможно, что именно поэтому новое прочтение не совсем оправдало зрительские ожидания. Начало предвещало, что на сцене будет представлена поэтически философская притча, вневременной миф о добре и зле, любви и ревности, страсти и вражде. Черный круг на красном фоне, как черное солнце в зареве заката, торжественный и зловещий серебристый отблеск металла, спускающаяся, словно с небес, скульптурно изящная грузинская красавица - во всем этом была загадочность и иррациональность, смешение быта и поэзии, земного и потустороннего. Но постепенно увлечение конкретными современными реалиями увело постановку в иное направление: в ней начала излишне подчеркнута превалировать тема национальной вражды и всепоглощающей жажды мести. Надвременная всеохватность и обобщенность философской притчи отошли на второй план.

Хотя и в меньшей степени, доля политической злободневности все же присутствует и во втором спектакле. Разумеется, вахтанговские традиции постановки Карло Гоцци, да и сами его пьесы располагают к всевозможным сиюминутным импровизациям. Однако конкретные темы предполагают, очевидно, и конкретных зрителей, на реакцию которых они рассчитаны. При всей осведомленности московской публики о событиях в Грузии отклик на происходящее на сцене был, наверное, не адекватен тому, каким он бывает в зале Театра им. Ш.Руставели в Тбилиси. Отчасти и поэтому действие порой казалось несколько искусственно затянутым. В

целом же сказка Гоцци в постановке Стуруа - зрелище красочное, музыкальное, праздничное. Игровая стихия, режиссерская и актерская фантазия властвуют здесь в полную силу. Особенно это ощутимо во втором действии, более цельном, динамичном, запоминающемся разнообразием постановочных приемов. В финале к основным персонажам и традиционным маскам комедии дель арте прибавилось еще и смешное существо с бычьей головой, не менее забавное огромное чудище, распадающееся на глазах у зрителей на отдельные «составляющие», которые начинают самостоятельно перемещаться в пространстве, и огромная черная змея - заколдованная жена героя. Играется прежде всего сказка. Играется подробно и обстоятельно, в то же время азартно, легко, радостно. И, наверное, ради этого театрального праздника, побеждающего реальные будни, и поставлена сегодня сказка итальянца Гоцци в грузинском театре.

Непосредственно «чеховскую линию» фестиваля продолжил театр «На Забрадли» (Прага. Чехия) спектаклем «Иванов» в постановке Петра Лебла, два года назад показавшего москвичам «Чайку», а сейчас думающего о «Дяде Ване». Действие начинается перед занавесом МХАТа, а затем перемещается в маленькую комнату-коробку со скошенным потолком и окнами-иллюминаторами. Первое, что бросается в глаза, это странное смешение времен и стилей разных эпох в одеждах персонажей: баль-

МЫЕ

да

ные платья и меховые шапки, старинные парики, фраки и тулупы, накладные косы и блестящие кокошники, словно из какого-нибудь фольклорного ансамбля. Подобный «винегрет» из различных атрибутов русского костюма не стилизация «а ля рюс» и даже не пародия, а скорее некий розыгрыш, забавная шутка, детская шалость. Наверное, не случайно и то, что на пресс-конференции на вопросы типа: «почему застрелился ваш Иванов?» режиссер отвечал более чем уклончиво: «не понимаю», зато подробно рассказал предысторию появления в постановке текста Гегеля, звучащего перед спектаклем и в антракте. Оказывается, это связано с упоминанием в тексте пьесы дяди-гегельянца Лебедева, а выбор читающего идет от глагола «выскочил» (тоже из текста), созвучного фамилии учителя Лебла, которого и попросили озвучивать «Диалектику» Гегеля в течение сорока минут... На подобных фокусах и перевертышах строит режиссер весь спектакль. Временами это весело и смешно, временами нелепо и странно. Если же попытаешься определить жанр постановки, то, вероятно, это будет

ЧЕХОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

звучать так: драма в балагане. Поскольку все вышеописанное существует как бы само по себе, и в принципе может быть «приставлено» к любому другому русскому автору. Действие же спектакля разворачивается вполне традиционно, и характеры выстроены в привычном «психологическом ключе», хотя и отличаются некоторой одноцветностью. Главное в Иванове (Богумил Клепл) — мучительное, непреодолимое утомление, какая-то вековая усталость. Его постоянным «внешним раздражителем», как и положено, является доктор Львов (Карел Добрый), только здесь он похож на некоего лермонтовского демона, романтического и возвышенного, но, однако, несущего в себе зло. Его речи полны благородного и несколько мелодраматического пафоса, его облик утонченно-скульптурен и холоден. Сара (Эва Голубова) строга, сдержанна и великодушна. Саша (Теодора Ремундова) целеустремленна и энергична. Собственно, все здесь достаточно обычно, а костюмные розыгрыши и прочие шалости — что-то вроде гарнира к основному блюду.

Соотечественники — Театр им. А.В.Кольцова (Воронеж, Россия) — показали вполне традиционную версию «Бесприданницы», хотя эта традиционность отнюдь не снижает актуальности пьесы. Давно знакомый москвичам режиссер-постановщик Анатолий Иванов избирает местом действия некий обобщенный образ парохода, пристани или ресторана. Сценография спектакля красива и, быть может, даже слишком роскошна, поскольку порой она «переигрывает» актеров и выглядит самодостаточной. Трехэтажное или трехпалубное сооружение с изящными решетками и множеством свечей, то ярко вспыхивающих, то затухающих (сценография Ларисы и Михаила Курченко); обилие цыганских напевов и романсов сближает спектакль с известным фильмом Э.Рязанова, хотя расстановка акцентов и решение характеров, разумеется, совсем иные. Лариса (М.Магдалинина) вовсе не похожа на воспитанницу «цыганского табора», который со слов Карандышева так активно присутствует в спектакле. Романтичная, чистая, нежная, с белокурыми локонами и наивным, открытым взглядом, она поначалу больше напоминает Аленушку из русской сказки. Ее «цыганская страсть» вспыхнет лишь ближе к финалу. В остальных же героях спектакля страсти и вовсе приглушены. Это люди по-современному сдержанные, рациональные и расчетливые. «Увлечение» деловито-холодного Паратова (С.Карпов) — лишь воплощение заранее обдуманного плана: как можно веселее провести последние дни перед женитьбой. Об этом знают все, включая мать Ларисы (Т.Семенова). Здесь она так же непривычно строгая, сдержанная, умеющая сохранить достоинство даже в самых унижительных ситуациях. В противовес ей Карандышев (В.Потанин) к этому совершенно не способен. Страшная закомплексованность, вечное желание покрасоваться, фанатичная жажда реванша делают его агрессивным, озлобленным, грубым, почти не вызывающим сочувствия, как обычно бывает. Здесь он такой же покупатель «красивой вещи», открывающей ему желанный путь в «высшее общество». После его выстрела Лариса, постепенно теряя силы, доходит до роскошной палубы парохода-ресторана и падает там замертво. А сверху, на лестнице, появляются равнодушные «покупатели», занятые своими делами. «Дорогая вещь», потерявшая свою цену, более никому не интересна.

Все вышеописанные спектакли абсолютно разные, объединяет их, пожалуй, лишь одно: их постановщики остались верны себе, своим художественным принципам, и в этом не обманули своих московских поклонников. В остальном же — дело вкуса.

На снимках: сцена из спектакля «Иванов»; Лариса — М.Магдалинина («Бесприданница»).